

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО. ОСВОЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В.Н. ШЕВЧЕНКО

К сожалению, два десятилетия интеллектуальных дискуссий о русской идее, о национальной идее, о специфике российской цивилизации и т.д., так и не повлияли сколько-нибудь заметно на политические позиции постсоветской правящей элиты, на ее либеральную, а по некоторым аспектам – радикально-либеральную практическую линию. Все участники дискуссий в один голос заявляют, что высшей ценностью и главной особенностью русской ментальности и российской цивилизации в целом выступает приоритет духовных ценностей над материальными, общего блага над индивидуальным эгоизмом, справедливости над формальным законом, подчинения экономики решению социальных задач. Однако сегодняшняя власть каждодневно озабочена только одним: как заставить все учреждения и организации и прежде всего государственные, эффективно зарабатывать деньги. Еще недавно все жители страны искренне считали важнейшей обязанностью и долгом государства давать современное образование всему подрастающему поколению. Сегодня образование становится всего лишь услугой, за которую приходится платить, и нередко немалые деньги. Но ведь воспитательные цели образования ни в коей мере не могут быть подведены под то, что чиновники называют образовательной услугой.

Подавляющая часть дискуссий вокруг национальной, русской идеи до сих пор не вышла за рамки духовно-нравственной сферы жизни – философии, культуры, искусства. Весьма знаменательным выглядит замечание Э. Баталова, автора одной из работ, подводящей некоторые итоги обсуждения русской идеи в последние десятилетия. «Говоря о Русской идее как о мифе, я имею в виду не реальные черты и особенности России и ее народа, не реальные черты и особенности русского национального характера, а определенные, исторически сложившиеся в обществе представления об этих чертах и особенностях, которые живут собственной жизнью... Соответствуют или не соответствуют эти представления реальности и какова эта реальность – об этом речи в книге не идет»¹. Непреходящая острота дискуссий о национальной идее свидетельствует о том, что до сих пор эта реальность остается непонятой. Ведь спор о русской идее это не академический спор. Это не спор о прошлом, это спор о будущем России. Но в подавляющем большинстве работ академического характера спор как раз и не идет о том, какова же эта реальность – российское общество и российская цивилизация.

Для одних авторов все эти споры о русской идее действительно остаются в прошлом. В начале перестройки возникшие неизвестно откуда радикальные либералы заговорили о возвращении тогда еще Советского Союза в мировую цивилизацию. Новое государственное образование, Российская Федерация, вернулось в эту цивилизацию, а ее советский период отечественной истории выглядит в глазах радикальных либералов чуть ли не «черной дырой» в полном соответствии с известными оценками З. Бжезинского.

Сегодня правящая элита демонстрирует сознательный отказ от цивилизационного своеобразия России, отказ от названия ее великой цивилизацией, а страны – великой Россией. Она говорит о том, что Россия есть часть европейской цивилизации и видит страну членом Европейского сообщества, но она не проговаривает до конца последствия такого «переименования». Если свое историческое предназначение российская цивилизация выполнила, то действительно трудно найти аргументы для обоснования претензий страны на свой особый путь. Исторические последствия его утраты весьма предсказуемы – великая цивилизация уходит в прошлое. Она рассыпается территориально, исчезает, несмотря на все рассказы о великих свершениях государства в прошлом, о выдающихся людях России. Если сегодняшняя Россия есть неотъемлемая часть европейской цивилизации, то, как нередко пишут западные журналисты, Западу далеко не безразлично, какова ситуация в России, и он несет ответственность за положение дел в стране, за ее стабильность и развитие. Другими словами, речь может идти о некоем властном принуждении России следовать в фарватере западной политики, идеологии, о дальнейшей интеграции в западную глобальную систему связей, отношений и ценностей.

Политическая стратегия правящей элиты вызывает в стране процессы, подобные тем, которые начались в ходе либеральных реформ Александра II и которые обрушили российскую империю. Практическая установка на превращение страны в «нормальную», т.е. капиталистическую, буржуазную страну, прежде всего, несет в себе растущую угрозу распада страны. В конце перестройки радикально настроенные авторы утверждали, что после отделения союзных республик Россия «освободит себя для драгоценного внутреннего развития». «Еще больше распрявимся от давящего груза “среднеазиатского подбрюшья”», – говорил А.И. Солженицын в 1990 г., предрекая скорый и неизбежный развал СССР². Только после него свободная от национальных окраин Россия сделает фантастические успехи. Сделала? Нет, не сделала. А подбрюшье, и не только среднеазиатское, стало источником огромного числа острых

и нередко кровавых проблем, решения по которым не найдены. Некоторые взрывоопасные очаги удалось лишь «подморозить».

Уход республик позволил сбросить заботу о них со стороны российского государства, но все вложенное ранее в них пропало для России, которая взамен получила свыше 20 млн русских, оказавшихся в одночасье за границей. Единство Российской Федерации также находится под угрозой, она — всего лишь уменьшенная копия СССР, и хотя численность в ней русского народа составляет почти 80%, это не меняет существа и остроты этнических проблем.

Любая цивилизация в мире может развиваться и дальше, несмотря на все сложности и неблагоприятные обстоятельства, если у нее сохраняется прочное и защищенное ядро — это закон развития всех цивилизаций. Поэтому главным императивом при обсуждении любых политических стратегий должна выступать идея защиты территориальной целостности Российской Федерации, которая сегодня подвергается самым серьезным испытаниям с непредсказуемым исходом.

Решение вопроса о том, действительно ли существовал и существует особый, альтернативный путь развития России требует обращения к русской, российской истории, обнаружения онтологических основ российского государства и российской цивилизации, которые только и могут указать на глубинную детерминацию вектора исторического развития государства.

Российская цивилизация носит с самого начала ее становления (с XIV в.) государствоцентричный характер. Матрица русской, российской государственности (моновласть) сначала пространственно формирует российскую цивилизацию, а затем они во все большей мере начинают взаимно обуславливать развитие друг друга.

Историческая судьба российского государства — упорядочение пространственного хаоса

Освоение бескрайнего евразийского пространства, собирание Больших Пространств начинается Россией на исходе Средних веков, продолжается на протяжении столетий в Новое время, в эпоху становления капитализма на Западе и потому приобретает для нее особый смысл. Оно явилось историческим предназначением российского государства.

На протяжении столетий во внутренней Евразии царил то, что на современном языке можно назвать организационным вакуумом. Кочевники являлись смертельной угрозой для земледельческих обществ, и потому Евразия на протяжении многих столетий была организована как минимум на порядок ниже, чем пространства в империях и других государствах на южных, восточных и западных

окраинах евразийского континента. Отсюда постоянное стремление этих империй закрыться от Хаоса, идущего из глубин Евразии. На протяжении нескольких столетий русская (российская) власть непрерывно занималась организацией пространства, упорядочением пространственного хаоса. На пике своего могущества ареал российской цивилизации, охватившей значительную часть и внутренней Евразии, был определен границами Российской империи и затем СССР. И. Ильин писал: «Россия, повторяем, целый мир, космос, — не только космос, но и хаос, она — хаокосмос, тайна, недоступная логическому “эвклидову” уму»³.

Столетия Ордынского ига были для славянских народов временем глубокого национального унижения. Зло от татаро-монгольского ига было огромным. Вот как описывает его, к примеру, В.Г. Белинский, может быть, с некоторым преувеличением: «Затворничество женщин, рабство в понятиях и чувствах, кнут, привычка зарывать в землю деньги и ходить в лохмотьях, боясь обнаружиться богачом, лихоимство в деле правосудия, азиатизм в образе жизни, лень ума, невежество, презрение к себе, — словом, все, что искоренял Петр Великий, что было в России прямо противоположно европеизму — все это было не наше родное, но привитое к нам татарами. Самая нетерпимость русских к иностранцам вообще была следствием татарского ига, а совсем не религиозного фанатизма»⁴.

Когда власть Орды кончилась, появляется естественное стремление обезопасить страну, прежде всего, от угроз кочевников Евразии. «Русская власть есть русский православный ответ на евразийский степной вызов, его укрощение, интериоризация посредством создания принципиально новой, революционной по сути формы власти»⁵. Русская власть устремляется в бескрайнее евразийское пространство и в освоении, укрощении его находит подтверждение своей легитимности, которая и становится в дальнейшем решающим условием выполнения ею своей исторической задачи. «Без гарантий, даваемых Россией, пространство Евразии моментально превращается в войну всех против всех. Россия по-своему осуществила римскую идею единого пространства и единых прав человека в Евразии. Эти права были несравненно суженными по сравнению с европейскими, но это были, бесспорно, единые права»⁶. Достижение безопасности становится не просто военно-политической задачей, а внутренним стержнем национальной идеи, основанием нравственных начал государства и общества и по сегодняшний день. С тех пор угроза военного нападения и готовность к тому, чтобы дать отпор противнику становится константой цивилизации, она неизменно присутствует в повседневном сознании миллионов людей на протяжении столетий.

В спорах о природе русской (российской) цивилизации недостаточно внимания уделяется вопросу о роли государства, а между тем оно выступает императивным условием ее существования и тем более развития. Русская цивилизация возникала как государствоцентричная цивилизация. Как бы мы ее ни называли впоследствии (российская, советская, евразийская), на ней всегда лежала важнейшая функция — сохранение организованного пространства, внесение порядка в пространственный хаос. Становление евразийского мира, как замирение враждебных столкновений и угроз, проходило при определяющей роли российского государства, в этом и заключается его историческое призвание, которое имело и имеет сегодня всемирно-историческое значение. Подчеркнем еще раз, русская, а затем российская цивилизация, раскинувшаяся на бескрайних евразийских пространствах, является не просто социоцентричной, она — государствоцентричная цивилизация.

Здесь следует дать одно пояснение. Поскольку речь идет о нормативной модели российской власти, постольку имеет смысл говорить в норме о единоличной, в прошлом — самодержавной власти. Русское самовластье есть власть самодержавная, которая постоянно срывается в произвол, этот произвол становится исторически проявленным и значимым и потому нередко также принимается за норму. Право самодержавия основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, там кончается право и начинается самовластье. Правда, есть духовно-этическая категория, и если иметь в виду царскую и императорскую Россию, вся надежда на ограничение самовластья могла еще связываться с деятельностью церкви. Но с того момента, когда при Петре I церковь полностью становится государственным учреждением, значительных сил, способных сдерживать самодержавную власть от произвола нет. Решение вопроса о том, пойдет ли страна в «правильном» направлении или нет, зависит теперь только от мудрости правителя. Самовластие становится постоянной формой проявления русской моновласти (самодержавия), хотя дальнейшее развитие страны вновь порождает социальные силы, противостоящие самовластию. Этими силами становятся бюрократия, а впоследствии и интеллигенция как заместитель института гражданского общества в отсутствие последнего.

Апелляция к традициям здесь мало что проясняет, поскольку самовластье отвергает традиционные механизмы регуляции власти. В этом важное отличие природы русской власти от власти в других цивилизациях, например, в китайской, где правитель с давних времен, о чем пишет уже Конфуций, ограничен в своих действиях сложившимся задолго до него ритуалом, традицией. «Когда правитель любит ритуал, ему легко повелевать народом»⁷.

Такова сущность русской власти, которая на долгие столетия начинает определять всю жизнь государства, его властно-управленческого аппарата, специфику поведения мыслящей части общества, проникает в культуру русской (российской) цивилизации. Автор далек от всякой апологетики самодержавия, а тем более самовластья, которого столько было и есть в отечественной истории. Но нужно понимать, что преодоление самодержавного устройства государства требует коренного изменения его экономического базиса, не говоря уже о преодолении негативного влияния внешних факторов, которые не только постоянно блокируют тенденции ограничения самодержавия, но и порождают объективные потребности в его сохранении и даже усилении.

Продвижение русских на восток и появление царской (имперской) власти на осваиваемых территориях приводило к огромным переменам в жизни евразийских народов. Как писал А. Тойнби, ответ России на вызов со стороны хана Батыея был таков, что он впервые за всю историю цивилизаций позволил оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников, но и «достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища — в оседлые деревни»⁸.

Эта борьба за пространство имела свою оборотную сторону, мимо которой также нельзя пройти. Географ М.К. Любарский, ученик и последователь В.О. Ключевского, был весьма суров в своих оценках: «Расселение надолго обрекло русский народ на примитивное промысловое земледельческое хозяйство, надолго лишило его живого и тесного общения на почве хозяйственного и культурного обмена, надолго парализовало развитие русской общественности и вызвало непомерное развитие деятельности государственного центра, его энергии и власти»⁹. Эти конкретные оценки в общем-то верны. Поэтому не следует слишком поэтизировать русское расселение на евразийских землях. Но эти оценки должны быть более четко увязаны с общим пониманием исторического предназначения российской цивилизации и российского государства.

Это его историческое предназначение не было каким-то сознательным выбором и не было навязано извне, что важно иметь в виду в методологическом плане. В ходе постоянной и нередко вооруженной борьбы государства за безопасность, за создание надежных границ, а также в ходе монастырского продвижения вглубь территорий, связанного с христианизацией нерусского населения, самопроизвольного расселения русских людей, вслед за которыми приходила и центральная власть, сложилось то, что можно назвать историческим предназначением государства и становящейся одно-

временно с ним российской цивилизации. Это предназначение сложилось исторически, в силу объективных причин, а не было «коварным» замыслом ненасытной верховной власти, стремившейся любой ценой к новым территориальным приобретениям. Поэтому вряд ли можно утверждать, что все это время Россия только и делала, что наносила себе непоправимый вред своими территориальными приобретениями. Среди историков последних десятилетий Ю.Н. Афанасьев однозначно и весьма негативно оценил русскую власть, что дало ему основания описать всю российскую историю в предельно мрачных тонах. (К примеру, XX век — чума для России.) «Про русскую власть можно с полным основанием сказать, что она в своем роде уникальна и ее вполне можно величать с заглавной буквы... Она и демиург, и душитель. Величавая и никчемная»¹⁰.

Так складывалась отечественная история, история других цивилизаций на евразийском континенте. Так, в общих чертах может быть представлена парадигма изложения и оценки исторического пути российской цивилизации.

Вместе с тем государствоцентричный характер российской цивилизации придает всей системе организованного властью евразийского пространства достаточно неустойчивый характер. Самодержавная власть способна удерживать пространство только при наличии мощной политической воли. Ее ослабление обычно связано с исчерпанием эффективности имеющихся механизмов освоения пространства, а длительность поисков в процессе перехода к другой, более высокой степени освоения пространства порождала восстания и смуты, отпадение отдельных территорий государства, угрожала саморазрушением всех властных структур, направленных на удержание пространственного хаоса.

Власть можно рассматривать как структурную связность пространства. Его удержание, об этом можно говорить со всей определенностью, и становится смыслом бытия российской власти в ее цивилизационном историческом времени.

Два типа институциональных матриц

Русская, российская, советская (коммунистическая) субстанция есть связанное властью пространство, по поводу этой субстанции и складываются властные, собственнические и все остальные социальные отношения. Это и есть главное богатство государства, вместе со всеми природными богатствами, находящимися на его территории. Русская власть как моновласть (царь, самодержавие, генеральный секретарь, президент) оказывается единственной формой организации, адекватной бескрайнему евразийскому пространству.

Происхождение и укрепление самодержавной власти (а, стало быть, и самовластья), таким образом, связано с непреходящими особенностями русской хозяйственной жизни, которые и сегодня также не утратили своего значения. Тип экономики, вполне сложившийся в России – это раздаточная экономика. Эта экономика как «раздаток» (термин энергично отстаивает известный ученый О.Э. Бессонова¹¹ или как редистрибутивная экономика (термин, введенный англо-американским ученым К. Поланьи в его ставшей классической работе «Великая трансформация»¹², типологически отличается от рыночной экономики.

В современной общественной мысли считается общепризнанным наличие двух мировых типов экономик, принципиально не сводимых друг к другу. Так, С.Г. Кирдина, один из самых известных авторов по теории российских институциональных матриц, в работе «X- и Y-экономики. Институциональный анализ» убедительно показала, что многовековое взаимодействие этих двух типов экономик не привело к их конвергенции¹³. Сегодня общепринято говорить о двух типологически различных системах институциональных матриц.

Одна – западная модель, она включает рыночную экономику, демократическую (федеративную) республику, приоритеты индивидуальных ценностей над коллективными, материальных над духовными и т.д.

Другая, незападная (восточная), включает в себя раздаточную экономику, матрицу политической системы – унитарно-централизованное государство, духовно-нравственную матрицу, которая утверждает приоритет коллективных ценностей, общего блага над личным, духовного над материальным, справедливости над формальным законом и т.д. Для раздаточной экономики характерна совокупность сдач (повинности, налоги, службы) в сочетании с определенной политикой раздач общественного «пирога». Преобразование большей части, а иногда и всего общественного богатства в общегосударственную собственность диктовалось потребностями устойчивого существования социального организма, будь то московское царство, петровская империя, советское государство. Чем больше расширялось географическое пространство, тем более общий, т.е. коммунальный характер приобретала материально-технологическая среда раздаточной экономики.

Власть вынуждена принимать во внимание скудость материальных ресурсов, низкие урожаи и в связи с этим жестко ограничивать запросы наиболее богатой, привилегированной верхушки, обеспечивать средства к существованию среднему и низшему служилому люду, не допускать массового разорения крестьянства и других

беднейших слоев населения. Ограничение appetитов «олигархов» во все времена было также и требованием к власти, идущим снизу. В этом состояло и состоит одно из главных проявлений социальной справедливости в России. Опасность для России всегда состояла в олигархизации власти, когда высшая власть уступает натиску верхушки богатых слоев. Крупный собственник, тем более олигарх, есть всегда угроза для русской власти, поскольку вся система раздаточной экономики накладывает жесткие ограничения на произвол и безграничное стремление олигархов к обогащению.

Эта особенность российской хозяйственной жизни, когда собственность и власть оказываются неразрывно связанными, сохраняются на протяжении столетий. Она проявляла себя в пореформенной России, в годы нэпа, в последние два десятилетия. Собственно поэтому примат власти над собственностью, другими словами, службы над собственностью, так или иначе, ставит под вопрос принцип: «Частная собственность священна и неприкосновенна». Для России частная собственность в прошлом всегда оказывалась под контролем государства и приобретала реальную функцию в обществе именно как условно-частная, в конечном счете, как служебная собственность.

Эти и другие особенности хозяйственной жизни помогают лучше понять источники российской коррупции, причины социальных потрясений в стране. Источники коррупционной активности находятся в кругах олигархии, сверхбогатых собственников. Коррупционные предложения направлены в адрес бюрократии, поскольку от ее позиции зависят масштабы дальнейшего обогащения олигархов. Чем больше прогибается верховная власть и бюрократия, подкупленная олигархами, тем менее эффективно работает раздаточная экономика, которая явно или скрыто становится добычей олигархов. Господство олигархов ведет к росту монополий, произвольному повышению цен, что приводит к росту бедности и нищеты и вызывает массовое недовольство и социальные протесты.

Впрочем, верховная власть хорошо усвоила, что содержание народа в бедности является эффективным средством управления поведением и сознанием людей, удержания их от активного участия в политике, но это средство всегда опасно массовыми выступлениями людей, доведенных до отчаяния своим нищенским существованием.

Раздаточная, нерыночная экономика как принцип организации народного хозяйства выступает средством решения государственно значимых и прежде всего социальных проблем на структурированном властью пространстве. Она не может быть направлена прежде всего на получение прибыли. Исторически существует огромное различие в организации пространства между Россией и государ-

ствами Западной Европы. Уникальность Запада состоит в том, что он может быть назван цивилизацией времени в отличие от цивилизаций Востока, которые как цивилизации незападного типа могут быть названы цивилизациями пространства, что остается верным и в эпоху постиндустриализма. Субстанция, онтология европейского капиталистического общества есть накопленный труд, есть овеществленное, спрессованное время¹⁴.

Для западной модели развития накопление социального времени в виде овеществленного труда есть способ его существования. Запад — это интенсивная система накопления времени с момента появления капитализма, господства времени над пространством. Накопленное время конвертируется в деньги. Время есть деньги, есть капитал, такова первойшая заповедь капитализма. И в этом смысле деньги есть экономическая субстанция капитализма.

Власть оказывается функцией капитала и потому здесь складывается своя матрица государства, которая, так или иначе, проявляет себя во всех странах Центра мировой капиталистической системы. Россия никогда не могла производить так много продуктов овеществленного труда, их производство подчинено борьбе с пространственным хаосом, овладению пространством, которое становится главнейшим богатством государства. Таким представляется принципиальное отличие между институциональными матрицами европейских государств Нового времени и российским высокоцентрализованным государством.

В результате распада СССР угроза хаоса возродилась, и появилась она вновь в глубинах Евразии. Ситуация в республиках теперь Центральной (ранее Средней) Азии не отличается стратегической стабильностью, а некоторые из республик относят нередко к категории несостоявшихся государств. Сегодня правящая элита государства полагает, что сможет удержать огромную евразийскую территорию с помощью рынка, и потому оно уходит от регулирования, а тем более от любых способов планирования общественного развития. Все это ведет к деградации промышленности, науки, экономики, особенно в регионах, к нищете и бегству из них населения, соответственно, к росту сепаратистских настроений и самых необычных форм национализма.

Сепаратистские настроения в РФ подогреваются, прежде всего, действиями самого государства. Если в Москве правящая элита рассматривает регионы как дойные коровы Центра, тогда сепаратизм неизбежен. Предприятия сырьевого профиля платят налоги не по месту добычи топлива, а по месту регистрации. Фундаментальное для жизни российской цивилизации противоречие между центром и регионами сложилось, существует и имеет тенденцию к обострению.

Матрица российского государства ранее была однозначно завязана на удерживание огромного географического пространства, и это удерживание с помощью хозяйственного связывания регионов на основе раздаточной экономики составляло глубинную опору русского, российского государства. Сегодня почти все, что составляет материально-технологическую основу российского общества, которая по своей природе носит коммунальный (общий) характер и подлежит совместному использованию, добровольно отдано высшей властью государства в руки крупных монополистов-олигархов. Власть теперь тщетно пытается понизить разные виды тарифов естественных монополий, призывает олигархов к совести, к социальной ответственности, но без заметных успехов. В частности, стоимость транспортных услуг такова, что подавляющая часть населения не в состоянии регулярно пользоваться междугородним транспортом, особенно авиационным, и по этой причине также идет обрушение социальной ткани российского общества, разнообразных механизмов удержания пространства, особенно к востоку от Урала.

Фактический отказ правящей элиты от исторического предназначения российской цивилизации ставит под вопрос правомерность ее дальнейшего существования, оправдывает неизбежность ее распада, поскольку вхождение в европейскую цивилизацию возможно только по отдельным частям нынешнего российского государства.

Еще раз об особом пути развития России

Как возможен свой цивилизационный путь? Какие условия должны быть выполнены? Прежде всего, историческая миссия, историческое предназначение российской цивилизации нереализовано. Российская цивилизация – исторически незавершенный общественный Проект, она несет в себе такую модель устройства общества, в том числе соотношения духовных и материальных интересов и стимулов к труду, которая в случае реализации будет выглядеть привлекательной как для своего народа, так и для других народов и цивилизаций. И мы в это верим – в свой цивилизационный миф. Ведь так устроена каждая цивилизация, иначе она не может существовать.

Переход к качественно новому уровню связности российского пространства позволит говорить и о качественно новом этапе в многовековой истории российской цивилизации, о ее принципиально новых чертах в XXI в. Изменение на порядок связности российского пространства – это и есть цель и конкретная задача современной коммуникационной революции. Односторонняя интерпретация коммуникационной революции только как революции информационной негативно сказывается на состоянии и целостном развитии

российского социума, ведет к чрезмерной виртуализации социальных отношений в ущерб реально функционирующему социуму. Коммуникационная революция состоит, по крайней мере, из двух относительно самостоятельных революционных преобразований: революции в сфере информации и революции в сфере транспорта.

Состояние транспортной системы есть показатель реального уровня связности пространства. Сохранение существующего состояния транспорта выступает препятствием для модернизации как экономики, так и всей общественной сферы, прежде всего, политической сферы. Развитие регионов страны при отсутствии надежной массовой связи как между регионами, так и с центром ведет к ослаблению государства, а в обозримом будущем, возможно, и к его распаду. Условием создания в стране качественно нового социума в XXI в. может стать новый тип транспортной сети, связывающий воедино всю территорию страны.

Речь идет о новом революционном преобразовании средств общения и связи, о новом транспортном коридоре, о современных технологиях передачи информационных потоков и об экономике, составляющей с транспортом одно целое, а также о новых принципах управления страной, связанных с созданием электронного правительства на всех уровнях властной иерархии.

Свершение такой коммуникационной революции требует мощного философского обоснования. Речь идет о новой философии российского государства. Государство становится важнейшим субъектом практического воплощения проекта интенсивного освоения географического пространства страны. В этом случае получает наглядное подтверждение важнейшая особенность российской цивилизации, утверждающая приоритет ее духовно-нравственных, стратегических ценностей и целей над утилитарно-прагматическими, не выходящими за рамки сугубо коммерческих целей и ориентаций.

Новая философия государства — это всестороннее осмысление нового коммуникационного освоения территории, как информационного, так и транспортного. В конечном итоге — это путь к новому социуму и к новому человеку. На протяжении веков существовало стойкое противоречие между высокими нравственными ценностями и целями, носителями которых выступает культура, и неразвитой бедной социальной средой. Впервые появится возможность преодоления этого противоречия.

Особенности исторического призвания России, российской цивилизации и определяют специфику практического становления российского государства как духовно-нравственного государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Баталов Э. Русская идея и американская мечта. – М., 2009. – С. 9.
- ² Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? – М., 1990. – С. 12.
- ³ Ильин И.А. Эссе о культуре. – СПб., 1997. – С. 60.
- ⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. V. – М., 1954. – С. 129.
- ⁵ Фурсов А.И. Русская власть, история Евразии и мировая система (социальная философия русской власти) // Научный эксперт. 2008. Вып. 3 (12). – С. 10 – 57.
- ⁶ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М., 1998. – С. 64.
- ⁷ Конфуций. Уроки мудрости. – М., 1999. – С. 96.
- ⁸ Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М., 1991. – С. 140.
- ⁹ Любарский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб., 2000. – С. 154.
- ¹⁰ Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. – М., 2000. – С. 78. И еще одна цитата: «Объединение, а точнее завоевание Руси Москвой было условием и средством выживания огромного московского военно-служилого люда. Эта масса алчущих разлилась по Руси, густо замешав на крови генезис московской власти – а это и есть русская власть» (Там же).
- ¹¹ См.: Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. – М., 2006.
- ¹² См.: Полян К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. – СПб., 2002.
- ¹³ См.: Кирдина С.Г. X- и Y-экономики. Институциональный анализ. – М., 2004.
- ¹⁴ См. подробнее: Фурсов А.И. Колокола истории. – М., 1996. – С. 83 – 88.

Аннотация

В статье утверждается, что историческая судьба Российского государства оказалась тесно связанной с собиранием и освоением огромных евразийских пространств. Обязанностью государства стало создание необходимых условий для мирной совместной жизни многих народов и этносов, живущих на территории Евразии.

Ключевые слова: российская цивилизация, российское государство, самодержавие, самовластие, пространственный хаос, освоение пространства, общественный проект.

Summary

In the article it is asserted that historically the destiny of the Russian State was bound with collecting and developing vast Eurasian space. The state's duty was to secure the necessary conditions for a joint peaceful life of many nationalities and ethnoses inhabiting Eurasia.

Keywords: Russian civilization, Russian State, autocracy, absolute rule, spatial chaos, organizing space, social project.